

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-103
EDN LDMJCW

**Генезис и история осмысления феномена народности
как эстетической категории в русской культуре XIX в.**

Алексей Владимирович Святославский^{1✉}, Нгуен Тхи Тху Нган²

¹Доктор культурологии, доцент, профессор Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва.

²Аспирант Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

¹platoacademia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

²stepheny1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5328-2262>

Аннотация. В статье содержится анализ возникновения и трансформации понятия «народность», которое казалось ясным на первый взгляд, но нашло отражение в размышлениях и дискуссиях в русской культуре XIX века среди отечественных писателей, литературоведов и критиков, начиная с Н. М. Карамзина и заканчивая первыми десятилетиями XXI века. Народность в разное время осмыслялась то в аспекте идеологическом, как некая идеологема, то, напротив, рассматривалась как категория эстетическая, относимая к форме и содержанию произведения искусства. Придя в отечественную эстетику под влиянием работ И. Гердера, в некоторые периоды российской истории культуры, с одной стороны, категория народности представлялась едва ли как не ключевой концепт, позволяющий судить о художественном произведении в ценностном отношении, с другой стороны, в постсоветский период получило распространение мнение о неактуальности данной категории и возможности рассмотрения ее лишь в аспекте истории эстетической мысли. Для разрешения этого вопроса возникает необходимость исследования приписываемых самому термину «народность» значений в русском языке в разные периоды истории культуры в рамках различных направлений эстетики, общественной мысли и культурных парадигм. В статье авторы обращаются к генезису и истории осмысления феномена как эстетической категории на протяжении XIX в. применительно к русской культуре – в зеркале общего историко-культурного процесса. Рассмотрены мнения по вопросу народности как категории литературы, высказанные в разное время Н. М. Карамзиным, В. Г. Белинским,

© Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган, 2024

Н. А. Добролюбовым, Ап. Григорьевым, Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, а также взгляды критиков XX века на генезис представления о народности в русской культуре XIX в.

Ключевые слова: народ; народность; этничность; русская культура XIX в.; культурная парадигма; русская литературная критика; эстетическая категория; литературный процесс

Для цитирования: Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган Генезис и история осмысления феномена народности как эстетической категории в русской культуре XIX в. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 103-119. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-103>. <https://elibrary.ru/LDMJCW>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Genesis and history of conceptualizing the phenomenon of national character as an aesthetic category in the XIX century Russian culture

Alexey V. Svyatoslavsky¹✉, Nguyen Thi Thu Ngan²

¹Doctor of cultural studies, associate professor, professor, institute of philology, Moscow pedagogical state university, Moscow

²Post-graduate student, institute of philology, Moscow pedagogical state university, Moscow

¹platoacademia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

²stepheny1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5328-2262>

Abstract. The article analyzes the origin and transformation of the concept “national character”, which seemed clear at first sight, but found its way into the reflections and discussions in the XIX century Russian literature among writers, scholars and critics, from N. M. Karamzin to the first decades of the XXI century. At different times, national character was understood either in an ideological aspect, as a certain ideologeme, or, on the contrary, as an aesthetic category, referring to the form and content of a work of art. Having entered Russian aesthetics under the influence of I. Herder's works, in some periods of Russian cultural history, the category of national character was presented, on the one hand, as a key concept that allows one to view any work of art in value terms. On the other hand, the post-Soviet period saw the spread of the opinion that this category was irrelevant and could be considered only in terms of the history of aesthetic thought. In order to resolve this issue, it is necessary to analyze the meanings attributed to the term "national character" in the Russian language in different periods of cultural history within the framework of different aesthetic trends, social thought and cultural paradigms. The authors of the article turn to the origin and evolution of the phenomenon as an aesthetic category during the XIX century with regard to Russian culture in the mirror of the general historical and cultural process. The article considers the opinions on the matter of nationality as a literary category expressed at different times by

N. M. Karamzin, V. G. Belinsky, N. A. Dobrolyubov, Ap. Grigoriev, F. I. Buslaev, A. N. Pypin, as well as the views of the XX century critics on the genesis of this concept in the XIX century Russian culture.

Keywords: people; national character; ethnicity; Russian culture of the XIX century; cultural paradigm; Russian literary criticism; aesthetic category; literary process

For citation: Svyatoslavsky A. V., Nguyen Thi Thu Ngan Genesis and history of conceptualizing the phenomenon of national character as an aesthetic category in the XIX century Russian culture. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 103-119. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-103>. <https://elibrary.ru/LDMJCW>.

Введение

В наиболее общем понимании концепт «народность» в русской общественной мысли и литературной критике приобрел значение как идеологемы, так и эстетической категории, однако отношение к самому понятию в литературном процессе XIX века менялось, поэтому возник вопрос о связи его генезиса и истории в связи с общей историей общественной мысли в России. Народность стала элементом национальной идеи в рамках государственной политики Николая I (формула «Самодержавие. Православие. Народность»). История идеологемы «народность» подробно исследована, в частности, в работе И. Н. Агейкиной «Идеологемы “народ” и “народность” в русской публицистике XIX в.» [Агейкина, 2008], мы же обращаемся к народности как к эстетической категории, характеризующей особенность художественной литературы.

Целью статьи является исследование различных взглядов русских писателей, критиков и литературо-

ведов на первом этапе осмысления феномена народности XIX в., для анализа того, какова роль категории «народность» в построении общей картины истории русской литературы и русской культуры и понимании того, насколько универсальной она может считаться в настоящее время. Отсутствие единой точки зрения на проблему в современном литературоведении делает изыскания такого рода актуальными.

Очевидно, что одним из достоинств художественных произведений является их обращенность к широкому кругу читателей. Если произведение создано в условиях высокоразвитой локальной художественной и читательской культуры, оно может вывести литературу конкретного народа в мир других этнических и национальных культур. Тогда возникает вопрос, что такое литература, отмеченная категорией народности:

– массовая литература для широкого читателя («для народа»);

– литература, наиболее адекватно отображающая культуру конкретного народа (этноса);

– литература, отражающая быт и нравы крестьянских масс и городских низов (так называемого простонародья);

– или это литература, доступная многим народам в силу ее обращенности к общечеловеческим проблемам?

Для того, чтобы ответить впоследствии на вопрос об востребованности категории народности для всего мирового литературного процесса, или, напротив, признать ее явлением локальным, необходимо понять, какие из высказанных в XIX в. классиками русской литературы и критики точек зрения на народность могут оказаться наиболее ценными сегодня. XIX в. вызывает интерес у исследователей, Л. Н. Житкова даже полагает, что категория народности была наиболее важной для русской критики того периода [Житкова, 2014].

Сразу оговоримся, что мы не рассматриваем в данной работе термин «народность» в значении одной из стадий эногенеза, как это было принято одно время в отечественной этносоциологии.

Результаты исследования

Признанным примером народности как свойства культуры, поднявшейся до высокой степени всеобщей востребованности является античная Греция, культура ее была народной как выражавшей дух

народа и была обращена, образно говоря, лицом к демосу. На античную культуру, в связи с выражением народного духа, обратил внимание один из первых европейских теоретиков народности И. Г. Гердер, оказавший влияние как на характер немецкой литературы, так и на пробуждение интереса к данной проблеме у русских литераторов. Античная эстетика осознавала, что демос и искусство, образно говоря, существуют как тело и душа, и тогда народность есть выражение души народа (*genius loci*). При этом Гердер понимал, что культура развивается, и приверженность формам античности не должна служить средством ограничения творческой свободы в рамках классицизма, что вылилось в формирование сентиментализма, получив развитие в Германии в виде эстетического движения «Буря и натиск».

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы необходимо понять почему народность в литературе, вопреки имеющему сегодня месту представления о ее неактуальности, на протяжении веков играла важную роль в рамках аксиологического подхода к сущности искусства. Вопрос о народности как литературной категории был всерьез поставлен в России в начале XIX в. Существует мнение, что сам термин «народность» был введен в русский литературоведческий обиход П. А. Вяземским – в переписке с А. И. Тургеневым, когда в письме от 22 ноября 1819 года Вяземский за-

мечает по поводу своих стихов, что в них есть «русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет» и предлагает для поэзии, являющей укорененность в национальной культуре, использовать понятие народности [Вяземский].

С одной стороны, эпоха русско-го Просвещения, испытавшая мощное влияние Западной Европы, сформировала в некоторой части российского общества мнение о том, что уходящие вглубь веков корни русской национальной культуры ассоциировались с представлением о неразвитости и косности, тем самым народность была лишена положительных коннотаций. С другой стороны, сами по себе петровские реформы, возбудив против себя поборников старины, напротив, сформировали культурную парадигму, в рамках которой исконно русской полагалось видеть лишь допетровскую Русь.

Н. И. Мордовченко в 1950-х гг. полагал, что восстановление понимания представления о народности в положительном смысле, было сделано Н. М. Карамзиным, причем считавшим, в отличие от А. Н. Радищева, что народность не связана с идеей революции, а с идеей просвещения. «Передовые деятели докарамзинской поры, – писал Мордовченко, – представляли себе старорусскую национальную культуру и западноевропейское Просвещение в качестве двух непримиримых стихий. Новиков, например, был апологетом старой Руси и поклонником

просвещения, однако то и другое никак не могло объединиться у него в целостную систему взглядов. Одному Карамзину удалось не только теоретически поставить проблему народности, но и дать такое ее решение, которое составило целый этап в развитии общественной мысли» [Мордовченко, 195, с. 47].

На наш взгляд, путь Карамзина в вопросе отношения к представлению о народности как национальной специфике – это путь поисков. Карамзин отказывался от жесткого противопоставления старорусской национальной культуры и западноевропейской, в пользу единства мировой культуры. В «Письмах русского путешественника» читаем: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед за другом» [Карамзин, 1964, с. 415]. При этом он рассуждал и о неправомерности рассмотрения русского народа как более отсталого в семье европейских народов, отмечая, что в Древней Руси были герои столь же замечательные, как и на Западе, а процесс заимствования достижений, начатый в России Петром Великим, свойствен не только русским, но и любой нации. По мнению Карамзина, литература изображает внутренний и внешний мир: «Красоты особенные, составляющие характер словесности народной, уступают красотам общим: первые изменяются, вторые вечны. Хорошо писать для россиян, еще лучше писать для всех людей» [Карамзин, 1819, с. 14].

Мордовченко считал, что «идея национальности и народности раскрывалась им [Карамзиным – Н. Н.] в полном соответствии с его пониманием идеи человека. Не представляя национальность как общественно-историческую категорию, Карамзин мыслил себе национальность как некий условный образ, наделенный чисто внешними признаками языка, верований обычаев и пр. Понятие национальности и народности у Карамзина растворяется поэтому в абстрактном космополитизме» [Мордовченко, 1959, с. 49-50].

На самом деле, все обстоит сложнее, поскольку для Карамзина представление о российской самобытности связано с идеей самодержавной государственности, в этом отношении Карамзин консервативен. На характерную особенность обращает внимание Д. Э. Летняков: «Весьма показательно и название главного исторического труда Карамзина – “История государства Российского”, т. е. он пишет, прежде всего, историю государства, самодержавной власти, а как бы заодно и историю народа, находившегося тысячу лет под благодетельным управлением этой власти. Поэтому можно согласиться с А. И. Миллером, заметившим где-то, что первую русскую историю с чисто националистической точки зрения напишут все-таки позже – в 1829 г. Н. А. Полевой приступит к работе над “Историей русского народа”, подчеркнув в названии

свое принципиальное расхождение с Карамзиным в выборе объекта исследования» [Летняков, 2016, с. 78]. Национализм здесь понимается без ксенофобских коннотаций, как приоритет этнонационального над идеей самодержавия. Труды Карамзина и послужили основой разработки уваровской триады «Самодержавие. Православие. Народность», получившей впоследствии в работе А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» название «теории официальной народности» [Пыпин, 1890]

При этом нельзя не заметить определенной трансформации взглядов Карамзина, что дает возможность видеть непоследовательность, вызванную меняющейся политической ситуацией. В «Записке о древней и новой России» Карамзин объявляет Петра I, при котором и сформировался самодержавный строй, виновником социальных бедствий России, поскольку император не хотел верить в то, что народный дух является нравственным могуществом государства, нужным для твердости и самобытности. Он писал о пути Петра I: «Честию и достоинством россиян сделалось подражание... Мы стали гражданами мира, но перестали быть гражданами России. Виною Петр» [Карамзин, 1991, с. 34].

По мнению Ю. М. Лотмана, серьезный вклад в развитие представления о народности делает не столько Карамзин, сколько А. Н. Радищев, у

которого в «Путешествии из Петербурга в Москву» народ предстает в состоянии бедственном, но не низменном. «Представление о народе как носителя *этической нормы*, – пишет Ю. М. Лотман, – потребовало построения иного, *величественного* образа крестьянина: Анята, ее мать, жених, клинский певец возвышаются не только над другими персонажами произведения, но и над автором-путешественником. Величественный характер этих образов создается и возвышенным строем их чувств и мыслей и торжественностью речи» (*курсив оригинала – А. С. и Н. Н.*) [Лотман, 2012, с. 298].

Следующий этап в последовательном осмыслении того, что стало пониматься под термином «народность», связан с творчеством А. С. Пушкина и деятельностью В. Г. Белинского. В 1830-х гг. у Белинского, с опорой на работы Гердера, народность литературы поставлена в связь с национальной мировоззренческой спецификой. Развивая взгляды от абстрактного понимания народности к ее конкретному пониманию, Белинский связывал основы народности литературы не с поверхностным описанием бытового уклада народа, а с проникновением в его «душу». Он считал, что в художественных произведениях талантливого писателя обязательно присутствует выражение народных интересов, мировоззрения, духовного самосознания, а источник такой народности можно найти в устном народном творчестве. Для Белинского истинно

народный писатель является частицей своего народа и способен найти вдохновение в мудрости народа, накопленной веками: в пословицах и поговорках, народных песнях и сказках. Критик считал: «Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа» [Белинский, 1948, т. 2, с. 119].

Вклад Белинского в уточнение понятия народности состоял в том, что уже в ранних работах он разделял собственно «народность», с одной стороны, и «псевдонародность», иначе и «простонародность» – с другой. Псевдонародность, по его размышлению, представлена лишь внешней атрибутикой, или схематичным изображением человека, существующем в литературе любого народа. Псевдонародность имеет много общего с простонародностью, которая может быть выражена писателями из «низших» слоев общества. Белинский мечтал об общенародной литературе, которая отвечает запросам всего народа, способствует выявлению общественных интересов, без деления на богатых и бедных, на высоких и низких, включая в представление о народе все слои общества. Тогда народность не ограничена произведениями, изображающими быт и нравы простых сословий, – народность воспринимается как характеристика общенациональной общности.

Белинский также ввел в научный обиход представление о «лич-

ности народа», мысль его заключается в том, что каждый народ так же, как и каждый человек, имеет в себе что-то отличное от других, и потому нуждается в них. Следовательно, каждый народ, по его мнению, «выражает собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимает от них в себя то, чего ему недостает, и дает им от себя то, чего им недостает» [Белинский, 1948, т. 2, с. 121]. Впоследствии эта мысль будет развита в исторической социологии Н. Я. Данилевского, представлявшего народы как «органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает, в пространстве и времени, возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления» [Данилевский, 1991, с. 222]. Белинский делает следующий вывод: «Только такой народ может назваться историческим, который при жизни своей имел большее или меньшее влияние на судьбы человечества и оставил по себе неизгладимые следы своего существования» [Белинский, 1948, т. 2, с. 122]. Таким образом, литература того или иного народа может считаться великой, исторической только, когда она может оказать значительное влияние на судьбу мировой литературы.

Примечателен тот факт, что Белинский подробно развивает свое понимание народности, обращаясь

к творчеству А. С. Пушкина и взявшись доказать, что роман в стихах «Евгений Онегин» является в высшей степени «национально-русским» произведением, то есть народным, несмотря на то, что герои его принадлежат к дворянскому сословию. Критик приходит к заключению, что «что тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи. Чтоб верно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особенность, – а этого нельзя иначе сделать, как узнав фактически и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество. У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая – ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить» [Белинский, 1948, т. 3, с. 507].

На всю жизнь для Белинского оставался примером народного поэта А. С. Пушкин, который и сам посвятил ранее этому вопросу заметку «О народности в литературе» (1826). Пушкин подтверждает тот факт, что само слово «народность» к этому времени стало общеупотребительным, и более того, народность понимается как необходимая черта литературы: «Кли-

мат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию – которая более или менее отражается в зеркале поэзии. – Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих какому-нибудь народу» [Пушкин, 1936. т. 5, с. 271]. Примечательно замечание Пушкина о том, что вполне народность может быть оценена лишь читателем – соотечественником автора. В общем, Пушкин фактически дает понимание народности как отражение «духа» народа, иначе говоря, тех основ культуры, которые делают этнос неповторимым. Обращает на себя внимание акцентуация на «вере», «образе мыслей», «чувствованиях», при этом не забыт и климат, то есть географические условия формирования этнонациональной культуры. Следуя этому пониманию, в XX в. философ и культуролог Ортега-и-Гассет в своих исследованиях обратил внимание на поиск ядра локальной культуры в области коллективной психологии: «изучение существования – существования человека, народа, эпохи, – писал он, – начинается с обзора системы убеждений и в процессе его изучения должно быть выявлено прежде всего фундаментальное, коренное верование, поддерживающее и оживляющее все остальные верования» [Ортега-и-Гассет, 2000, с. 439].

Ф. И. Буслаев, рассуждая на исходе 1850-х гг. о народности, с го-

речью констатировал, что в среде современной ему русской интеллигенции наряду с признанием роли народа (то есть широкой народной массы) в формировании государственности, общественной мысли, права, бытует мнение о литературе как об уделе избранной элиты, оторванной от жизни народа. «Если бы, – рассуждал Буслаев, – этот печальный взгляд на нашу литературу и народность нашел себе оправдание в действительности, то, без сомнения, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся от жизни, и того ничтожнее была бы народность, которая в течение многовекового существования нашей письменности не могла привиться к литературе и не умела стать с нею в уровень. В утешение своему национальному чувству смело можем утверждать, что такой неблагоприятный взгляд составился только по малому знакомству с нашею древнею, народною литературою» [Буслаев, 1990, с. 31].

Отдельный этап в разработке как эстетической категории народности, так и идеологемы народности, составляет период оформления *трех важнейших парадигм отечественной мысли: «охранителей»* (Ф. В. Булгарин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев), *«славянофилов»* (братья Константин и Иван Аксаковы, Ю. С. Самарин, А. С. Хомяков, братья Петр и Иван Киреевские) и *«западников»*. Западники были представлены достаточно широким кругом литераторов и мыслителей, в

который входили непохожие В. Г. Белинский и М. А. Бакунин, И. С. Тургенев и П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский и В. П. Боткин. Общим для западников являлась мысль о единстве исторического пути России и Европы. Для охранителей, исходивших из уваровской формулы «официальной народности», народность в литературе была неотъемлемо связана с идейно-воспитательной функцией, направленной на поддержание основ государственности, в единстве народа и самодержца. Православная составляющая триады гр. С. С. Уварова была критически важной для славянофилов. Особой примирительной позицией, связанной, в частности, с необходимостью привлечения лучших художественных сил в свои журналы, отмечена деятельность Н. А. Некрасова, творчество которого сделало его поистине народным поэтом по целому ряду причин. Среди них не просто интерес, но сочувствие крестьянству, городским низам, дворовым людям, а также особенности некрасовской художественной формы, отмеченной простотой и близостью к народной поэзии, доступность его творчества для широких масс, вплоть до того, что стихи Некрасова подчас воспринимались как народные песни.

Деятельность Некрасова связана с пореформенным периодом в истории России XIX века, когда само слово «народ» не сходило с уст русских литераторов, критиков и общественных деятелей, с перио-

дом, который породил такие понятия, как народник, народничество. Теперь уже среди тех, кто получил в русской истории звание литераторов-народников, представление о народе как этносе или нации вытесняется пониманием народа, в первую очередь, как крестьянской массы и податного сословия. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Н. А. Добролюбов закрепляет понятие народности как выражение в литературе взглядов трудящихся масс, составляющих народную жизнь. По его мнению, Н. В. Гоголь, хотя в своих лучших произведениях представлял читателю народную точку зрения на действительность, но делал это в значительной мере подсознательно. Более того, в представлении литераторов и критиков, так называемого революционно-демократического направления литература должна служить интересам народа, таким образом, пафос гражданственности становится в связь с представлением об истинной народности. Главные задачи Добролюбова и писателей революционной демократии заключались в том, чтобы, во-первых, выразить интересы угнетенных народных масс и, во-вторых, возвысить их интересы до уровня общегражданского, общенационального. Добролюбов писал: «Сознательности и ясности стремлений в обществе литература много помогает, – в этом мы ей отдаем справедливость. Чтобы не хо-

дальше далеко за примерами, укажем на то, чем полна теперь вся Россия, что отодвинуло далеко назад все остальные вопросы, – на изменение отношений между помещиками и крестьянами. Не литература побудила вопрос о крепостном праве: она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда он уже совершенно созрел в обществе» [Добролюбов]. Опираясь на указанную цитату, можно констатировать что народная литература, по своему значению должна поднимать гражданскую активность трудящихся масс и установить новые формы общественной жизни. Чтобы выполнить эту функцию, литература должна быть доступна для народа. По мнению Добролюбова, одной из причин недостатка народности в русской литературе является то, что она недоступна самому народу из-за массовой неграмотности. Критик писал: «Народу, к сожалению, вовсе нет дела до художественности Пушкина, до пленительной сладости стихов Жуковского, до высоких парений Державина, и т. д. Скажем больше: даже юмор Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже он и грамоте выучится» [Добролюбов].

Критический анализ позиций западников и славянофилов в отношении народности был сделан в 1860-х гг. Аполлоном Григорьевым. Признавая важность древних истоков для современной культуры, он тем не

менее критикует славянофилов, во-первых, за идеализацию старины и, во-вторых, за их необъективность в силу принципиальной невозможности воспринимать эту старину иначе, чем через призму современности. Григорьев выказывает неоднозначное отношение к Белинскому, с одной стороны, выделяя его из западников как наиболее приближавшегося к верному, с его точки зрения, пониманию народности, но с другой – критикует его за увлечение Гегелем и подмену «живой души человеческой» отвлеченной идеей истории как саморазвития «абсолютного духа». «Заблуждения Белинского имели в сущности один характер, – делает вывод Григорьев, – проистекая из одного источника, именно из исключительно-исторического воззрения. На дне этого воззрения лежит – в какие бы формы воззрение ни облекалось – идея отвлеченного человечества» [Григорьев, 1915, с. 103].

«Свое понимание народности Григорьев, – пишет Л. Д. Иванова, – строил на нравственно-этических идеалах христианского общежития, имея в виду и общечеловеческие гуманистические ценности, выработанные человечеством (“общечеловеческие понятия”), и те традиции, глубинные национальные начала, приобретенные русским народом в течение столетий. Народность в его понимании – это, прежде всего, духовные начала жизни народа и как нации, и как части человечества» [Иванова]. Григорьев четко сформу-

лировал свое понимание вопроса в письме к М. П. Погодину: «Правда, которую я исповедую (да, кажется и Вы), твердо верит вместе с славянофилами, что спасение наше в хранении и разработке нашего народного, типического; но как скоро славянофильство видит народное только в одном крестьянстве /.../, совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России, – как скоро славянофильство подвергает народное обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала, – так славянофильство, во имя сознаваемой и исповедуемой мною правды, становится мне отчасти смешно, отчасти ненавистно как барство, с одной стороны, и пуританство, с другой» [Григорьев, 1990, с. 383].

Подводя итог дискуссиям о народности, имевшим место в XIX в., А. Н. Пыпин подверг критике позицию славянофилов и их позднейших последователей, считая, что они видят в специфике национального характера нечто исконно данное и неизменное (так называемый примордиалистский подход). «На самом деле, – считал Пыпин, – национальность вовсе не неподвижна; напротив, как стихия историческая, она способна к видоизменению и усовершенению, и в этом именно состоит возможность и надежда национального успеха» [Пыпин, 1890, с. 4]. Таким образом, снимается антагонизм между допетровской и петровской Россией, между дворянским и недворянскими

сословиями и т. д. Сегодня именно так многие этносоциологи отказываются от жесткого следования исключительно примордиалистскому или, наоборот, конструктивистскому подходу к этногенезу, считая, что истину нужно искать в синтезе подходов.

Заключение

В XX в. продолжилось осмысление феномена народности в литературе в работах В. М. Жирмунского, П. П. Муратова, Г. А. Гуковского, Г. Н. Поспелова. Мысль Белинского о «духе народа» была плодотворно обобщена в 1920-30-х гг. культурологом и историком литературы Н. П. Анциферовым, разрабатывавшим принципы так называемого локально-исторического метода исследования художественной местнографии, где ключевым стало известное с античности представление о «душе места». «Как мы увидим, – писал Анциферов, – в романах Бальзака, а позднее в романах Э. Золя – Париж не только место действия, не только пассивный фон для лиц и событий, но та персонифицированная сила, которая определяет как характер действующих лиц, так и ход событий, мало того, Париж сам является как бы живым существом» [Анциферов, 2009, с. 13].

Отношение к народности претерпело колебания от попытки поставить эту категорию на первое место в ценностях литературных произведений, и – до убеждения в том, что она являет собою локально-историческое явление и не может

выступать в роли эстетической категории, применительно ко всей истории мировой литературы. Обдуманым представляется мнение В. Е. Хализева, о том что переосмысление роли народности влечет недооценку данной категории во всем ее многообразии, необходимо говорить не о народности литературы, как это делалось обыкновенно в прошлом, а о народности в литературе [Хализев].

На наш взгляд, в XIX в. наиболее близко к определению категории народности применительно к литературе подошел Белинский со своим рассуждением о «манере понимать вещи» как основе национального характера, отраженного в литературном произведении.

Белинский при этом не сводил народность к изображению «просто-народья» и не связывал ее жестко с необходимостью доступности произведений широким массам народа. Даже не сами внешние проявления национальной культуры, объединяющей разные сословия, но «манера понимать вещи», то есть мировоззренческие основы культуры, ставились Белинским на первое место. При этом важное уточнение делает и Пыпин, призывая учитывать социокультурную динамику в оценке этнонациональной культуры. С уходом в прошлое в культурной антропологии XX в. представления о евроцентризме получила развитие концепция культурного релятивизма, что усилило интерес к выявлению сугубо специфических этнонациональных

особенностей носителей культурной общности, вплоть до разработки методов формальных исследований, как, например, в так называемых шкалах «культурных измерений» Герта Хофстеде [Hofstede, 1990].

Именно наиболее полное отражение национального характера в героях произведений делает их любимыми для многих читателей разных поколений в рамках данной культуры, а иногда и носителями иных культур, если они представляют наиболее адекватное представление инокультуры. Такими образами в русской литературе в разное время стали разные герои, как пушкинская Татьяна Ларина (на чем специально остановился Белинский), как Василий Теркин в одноименной поэме А. Т. Твардовского, как лирический герой Венедикта Ерофеева из поэмы «Москва-Петушки»... При этом удача писателя в отражении типических черт национального характера совершенно не обязательно вытекает из героических или положительных, по авторскому замыслу, персонажей. Едва ли «особенный человек» Рахметов из романа Н. Г. Чернышевского, герой М. Д. Арцибашева супермен Санин, или кумир пионеров 1930-х гг. Павлик Корчагин могут быть отнесены к вполне характерным образам национального характера, востребованным читателями из России и из других народов на протяжении многих поколений. При этом не наука, а именно искусство и лите-

ратура являются наиболее доступными средствами для формирования представлений о той или иной культуре в широкой читательской массе.

Библиографический список

1. Агейкина И. Н. Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 228–237.
2. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подг. текста, послесловие Д. С. Московской. Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. 584 с.
3. Белинский В. Г. Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 тт. Т. 2. Москва : ГИХЛ, 1948. С. 118–123.
4. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 тт. Т. 3. Москва : ГИХЛ, 1948. С. 495–535.
5. Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Федор. О литературе. Исследования; Статьи. / Сост, вступ. статья, прим. Э. Афанасьева. Москва : Худож. литература, 1990. С. 30–90.
6. Вяземский П. А. / П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу. 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievsky1_olderfo.shtml. (Дата обращения: 25.08. 2023).
7. Григорьев А. А. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти А. С. Пушкина // Григорьев Аполлон. Собр. соч. В 3 тт. / год ред. В. Ф. Саводника. Т. 3. Москва : Тип. И. Н. Кушнерева, 1915. 147 с.
8. Григорьев А. А. / Ап. Григорьев – М. П. Погодину. Весна 1857 // Григорьев Аполлон. Соч. В 2 тт. Т. 2. Москва : Худож. литература, 1990. С. 382–387.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 574 с.
10. Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/uchastie-narodnosti/uchastie-narodnosti-primechaniya.htm>. (Дата обращения 25.11.2023).
11. Житкова Л. Н. Народность как эстетическая категория в русской литературной критике XIX в. // Известия Уральского федерального университета Сер. Гуманитарные науки. 2014. Том 16, № 2 (127). С. 45–51.
12. Иванова Л. Д. Понятие «народность» в критическом наследии Аполлона Григорьева. URL: https://articulus-info.ru/wp-content/uploads/2017/12/6_2017o_Ivanova.pdf. (Дата обращения: 10.11.2023).
13. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Прим. Ю. С. Пивоварова. Москва : Наука, 1991. 125 с.
14. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2 тт. / Вступ. ст. П. Беркова и Г. Макогоненко. Т. 1. Москва ; Ленинград : Худож. литература, 1964. С. 77–604.

15. Карамзин Н. М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Сын Отечества. 1819. Т. 51. С. 4–22.
16. Летняков Д. Э. Н. М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21, № 1. С. 72–86.
17. Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2012. С. 292–325.
18. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. 432 с.
19. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избр. Труды / сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. Москва : ИНФРА-М, «Весь мир», 2000. С. 435–479.
20. Пушкин А. С. О народности / Пушкин А. С. ПСС. В 6 тт. / под ред. М. А. Цявловского. Т. 5. Москва ; Ленинград : Academia, 1936. С. 270–271.
21. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Исторические очерки А. Н. Пыпина. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1890. III, 519 с.
22. Хализев В. Е. О народности в литературе // Эл. ресурс. Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archive=1206184486>. (Дата обращения: 29.11.2023).
23. Hofstede, G., Neuijen, B., Ohayv, D. D., Sanders, G. Measuring organizational cultures: A qualitative and quantitative study across twenty cases. In Administrative Science Quarterly, 1990. № 35, 286–316.

Reference list

1. Agejkina I. N. Ideologemy «narod» i «narodnost'» v russkoj publicistike XIX v. = Ideologemes "people" and "national character" in the XIX century Russian journalism // Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2008. № 11. S. 228–237.
2. Anciferov N. P. Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicij = Problems of urbanism in Russian fiction. The experience of constructing the city image – Dostoevsky's St. Petersburg – basing on the literary traditions analysis / Sost., podg. teksta, posleslovie D. S. Moskovskoj. Moskva : IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. 584 s.
3. Belinskij V. G. Obshhij vzgljad na narodnuju poeziju i ee znachenie. Russkaja narodnaja poezija = An overview of folk poetry and its importance. Russian folk poetry // Belinskij V. G. Sobr. soch. V 3 tt. T. 2. Moskva : GIHL, 1948. S. 118–123.
4. Belinskij V. G. Sochinenija Aleksandra Pushkina. Stat'ja vos'maja = Works by Alexander Pushkin. Article eight // Belinskij V. G. Sobr. soch. V 3 tt. T. 3. Moskva : GIHL, 1948. S. 495–535.
5. Buslaev F. I. O narodnoj poezii v drevnerusskoj literature = On folk poetry in Old Russian literature // Buslaev Fedor. O literature. Issledovanija; Stat'i. / Sost, vstup. stat'ja, prim. Je. Afanas'eva. Moskva : Hudozh. literatura, 1990. S. 30–90.

6. Vjazemskij P. A. / P. A. Vjazemskij – A. I. Turgenevu. 22 nojabrja 1819 g. = P.A.Vjazemsky to A.I. Turgenev. 22 November 1819 // Ostaf'evskij arhiv knjazej Vjazemskih. Perepiska knjazja P. A. Vjazemskogo s A. I. Turgenevym. 1812–1819. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievskij_1_oldorfo.shtml. (Data obrashhenija: 25.08. 2023).
7. Grigor'ev A. A. Razvitie idei narodnosti v nashej literature so smerti A. S. Pushkina = Developing the idea of national character in our literature since A. S. Pushkin's death // Grigor'ev Apollon. Sobr. soch. V 3 tt. / god red. V. F. Savodnika. T. 3. Moskva : Tip. I. N. Kushnereva, 1915. 147 s.
8. Grigor'ev A. A. / Ap. Grigor'ev – M. P. Pogodinu. Vesna 1857 = Ap. Grigoriev to M.P. Pogodin. Spring 1857 // Grigor'ev Apollon. Soch. V 2 tt. T. 2. Moskva : Hudozh. literatura, 1990. S. 382–387.
9. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Kniga, 1991. 574 s.
10. Dobroljubov N. A. O stepeni uchastija narodnosti v razvitii russkoj literatury = On the extent the national character takes part in the development of Russian literature. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/uchastie-narodnosti/uchastie-narodnosti-primechaniya.htm>. (Data obrashhenija 25.11.2023).
11. Zhitkova L. N. Narodnost' kak jesteticheskaja kategorija v russkoj literaturnoj kritike XIX v. = National spirit as an aesthetic category in the XIX century Russian literary criticism // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta Ser. Gumanitarnye nauki. 2014. Tom 16, № 2 (127). S. 45–51.
12. Ivanova L. D. Ponjatje «narodnost'» v kriticheskom nasledii Apollona Grigor'eva = The concept “national spirit” in Apollon Grigoriev's critical works. URL: https://articulos-info.ru/wp-content/uploads/2017/12/6_2017o_Ivanova.pdf. (Data obrashhenija: 10.11.2023).
13. Karamzin N. M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah = Notes on ancient and modern Russia in its political and civil aspects / Prim. Ju. S. Pivovarova. Moskva : Nauka, 1991. 125 s.
14. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika = Letters of a Russian Traveler // Karamzin N. M. Izbr. soch. V 2 tt. / Vstup. st. P. Berkova i G. Makogonenko. T. 1. Moskva ; Leningrad : Hudozh. literatura, 1964. S. 77–604.
15. Karamzin N. M. Rech', proiznesennaja na torzhestvennom sobranii Imperatorskoj Rossijskoj Akademii 5 dekabrja 1818 goda = Speech delivered at the formal meeting of the Imperial Russian Academy on December 5, 1818 // Syn Otechestva. 1819. T. 51. S. 4–22.
16. Letnjakov D. Je. N. M. Karamzin i zarozhdenie nacionalisticheskogo diskursa v Rossii = N. M. Karamzin and the origin of nationalist discourse in Russia // Istorija filosofii. 2016. T. 21, № 1. S. 72–86.
17. Lotman Ju. M. Problema narodnosti i puti razvitija literatury preddekabristskogo perioda = The problem of national character and ways of the development of pre-Decembrists literature // Lotman Ju. M. O russkoj literature. Stat'i i issledovanija (1958–1993). Sankt-Peterburg : Iskusstvo–SPB, 2012. S. 292-325.
18. Mordovchenko N. I. Russkaja kritika pervoj chetverti XIX veka = Russian criticism of the first quarter of the XIX century. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1959. 432 s.

19. Ortega-i-Gasset H. Istorija kak sistema = History as a system // Ortega-i-Gasset X. Izbr. trudy / sost. i obshh. red. A. M. Rutkevicha. 2-e izd. Moskva : INFRA-M, «Ves' mir», 2000. S. 435–479.

20. Pushkin A. S. O narodnosti = On national character / Pushkin A. S. PSS. V 6 tt. / pod red. M. A. Cjavlovskogo. T. 5. Moskva ; Leningrad : Academia, 1936. S. 270–271.

21. Pypin A. N. Harakteristiki literaturnyh mnenij ot dvadcatyh do pjatidesjatyh godov: Istoricheskie ocherki A.N. Pypina = Characteristics of literary opinions from the twenties to the fifties: A.N. Pypin's historical sketches. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Tip. M. Stasjulevicha, 1890. III, 519 s.

22. Halizev V. E. O narodnosti v literature = On national roots in literature // Jel. resurs. Moskva: Portal «O literature», LITERARY.RU URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archive=1206184486>. (Data obrashhenija: 29.11.2023).

23. Hofstede, G., Neuijen, B., Ohayv, D. D., Sanders, G. Measuring organizational cultures: A qualitative and quantitative study across twenty cases. In Administrative Science Quarterly, 1990. № 35, 286-316.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 31.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024